

© 2005 Х.И. Тугуз
УДК 94 (470.6)
ББК 63.3 (235.7)
Т 81

Щербина Ф.А. как историк и летописец Русско-Черкесской войны

Аннотация:

Настоящая статья содержит фактические полемологические материалы Русско-Черкесской войны, конкретные примеры геноцида царизма против черкесов и других горских народов, документальные свидетельства патриотизма и героической борьбы за свободу и национальную независимость основной массы народа.

Ключевые слова:

Россия Черкесия Русско-Черкесская война Казаки Суворов на Кубани Черкесы Ногайцы Битва у Ольгинского кордона Закубанцы Битва 1 октября 1783 г. Текеллий Потемкин Тиховские поминовения проблематика патриотического воспитания в казачьих школах на материалах войны и их анти черкесская направленность необходимость патриотического воспитания молодежи Кубани и Адыгеи на примерах героики Великой Отечественной войны.

«Здесь начинается уже настоящая история черкесов, знакомство с которой необходимо для уяснения отличительных особенностей русско-черкесской войны, длившейся 65 лет подряд» (Щербина Ф.А.)

В полемологической (от гр. polemos война – наука о войне как явлении социального порядка, о ее причинах и следствиях во всех аспектах) и исторической литературе Русско-Кавказская война достаточно изучена по батальным событиям, однако, её аксиологический (гр. axios – ценный + гр. logos; учение об оценке событий, явлений и т. д.) аспект, до сих пор, остается противоречивой: одним и тем же фактам и явлениям даются совершенно противоположные оценки. Существуют два концептуальных подхода к объяснению этнополитического смысла войны. **Российская версия** – как оборонительная, защита своих военных кордонных линий от «бандитизма хищников» (т.е. горцев – Х.Т.), которые путем «набеговой системы», мешали русским в приобретении Кавказа: бассейнов Черного и Каспийского морей, нужных в геостратегических интересах и для следующего продвижения на Восток.

Горские народы – национально-освободительная война за свободу и независимость своей Родины, борьба за человеческое и этническое выживание от полного геноцида русского царизма.

Различные взгляды в науке явление обычное, но не обычно то положение, когда пытаются исторические факты переинтерпретировать, выдать конкретное событие противоположно тому, каким оно не было.

Николай I перед Паскевичем ставил боевую задачу: «Усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных» (Цит. по кн.: М. М. Щербатов. Фельдмаршал князь Паскевич-Эриванский, т. 11, СПб, 1892, с.229). И эта цель была достигнута в ходе долгой и

тяжелой войны. 21 мая 1864 года в урочище Кбаада (Ныне – Красная поляна в черте г. Сочи) состоялся парад победы. Император Александр II в рескрипте Великому князю Михаилу Николаевичу с пафосом указывал: «На долю Вашего Императорского Высочества выпал завидный жребий завершить начатое полтора века тому назад дело покорения Западного Кавказа и впервые возвестить русскому народу, что **«отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокоренного племени»** (Цит. по кн.: Эса-дзе Семен. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, «Меоты», 1993, с. 114). Таким образом, царь коротко и четко выразил смысл северокавказской геополитики Российской империи и примерно обозначил хронологию ее реализации и завершения.

Методы ведения войны против горских народов Кавказа определялись коротко, но емко – геноцид (гр. genos – род + лат. caedere убивать, буквально «уничтожение рода, племени»). Еще в 1718 году, когда Петр I во главе русских войск отправился на Кавказ, в Дагестан, он оттуда в шуточной форме писал Сенату: «Когда мы вошли во владение Султана Махмуда Утемишского... сделали из владения его фейрверк, а именно сожжено в одном местечке, где он жил, до 500 дворов, кроме других деревень, которых сожгли по сторонам. Сказывают, что их было десять тысяч, но такое число не его одного, а многих владельцев под его именем, и чуть не половина пехоты, из которой около 600 человек от наших побиты, да взято в плен 30 человек; с нашей стороны убито 5 драгун и 7 казаков, а пехоте ничего не досталось – ни урону, ни находки, понеже конница ее не дождалась» (Цит. по кн.: Потто В. А. Ук. соч., с. 167). Таким образом, русский царь наглядно показал методы завоевания Кавказа и на его примере, так называемую **«набеговую систему»**, усердно использовали последующие поколения агрессоров.

И ровно через сто лет борьбы русского царизма за Кавказ ничего не изменилось в методах ведения войны. Ермолов самодовольно писал: «Приказал я окружить селение Дадан-Юрт, лежащее на Тереке. Жители защищались отчаянно, до последнего. Двор каждый приходилось брать штыками. Женщины, и те бросались с кинжалами в толпы солдат. Большую часть дня продолжалось сражение. Со стороны неприятеля истреблены почти все мужчины числом не менее 400 человек. Женщин и детей взято в плен до 140. Но гораздо большее число вырезано. Солдатам досталась добыча довольно богатая... Селение состояло из 200 домов. 14 сентября 1818 года разорено до основания» (Цит.: по кн. Соболев Б. И. Штурм будет стоить дорого... Кавказская война в лицах. М.: Виноградова, 2001. сс.12-13). Полнейший геноцид.

Показателен и другой пример, еще раньше имевшее место на Западном фронте царских войск в Черкесии. Так, 17 февраля 1810 года отряд Черноморского войска во главе с наказным атаманом Бурсаком был направлен на левый берег Кубани в земли черченеевцев и абадзехов на реку Суп: «Черкесы были застигнуты врасплох, и не успели даже вооружиться. На этот раз и казаки выказали чрезвычайную жестокость. Они жгли все и убивали всех без различия пола и возраста – мужчин, женщин и детей... *Казаки произвели полное опустошение, сожгли аулы, хлеб, сено и имущество. Часть имущества – медную посуду, ткани, разные поделки, оружие, они захватили с собою и угнали до 100 лошадей, до 3000 голов рогатого скота и столько же овец»* (Щербина Ф.А. Ук. соч., сс.173-174). *Однако, подобные карательные походы царских войск еще больше стимулировали горцев к необходимости усилить борьбу за национальную свободу и независимость, наконец, за человеческое и этническое выживание.* Прав был Щербина А.Ф., утверждая: «И чем чаще и строже карали русские черкесов, тем ожесточеннее черкесы производили набеги. Война то тлела чуть заметно, то разгоралась в крупное зарево. Пылали черкесские аулы, хлеб и сено, угонялся скот и приносились в жертву военному Молоху человеческие жизни» (Щербина Ф. А. Ук. соч., с. 185). *Такова была правда Русско-Черкесской войны. Однако, к сожалению, в наши дни находятся историки, которые пытаются создать виртуальные картинки войны, где царизм выставляется как благодетель истребленных народов.*

Примером упрощенного подхода к оценке сложного этнополитического и исторического процесса, является учебное пособие «Родная Кубань. Страницы истории. Книга для чтения / Под редакцией проф. В. Н. Ратушняка. – Краснодар: ОИПЦ «Перспективы образования», 2004. – 216 с., ил. Тираж 3000 экз. / *Учитывая, что история Кубанского края была написана наиболее полно и научно обосновано Щербиной Ф. А., считаю своим долгом представить читателям некоторые его взгляды на Русско-Черкесскую войну, игнорируемые в этом пособии, от чего теряется историзм и научность.* Так как ее основные читатели – школьники, то нужно преподнести очень сложный этнополитический и исторический материал в более корректной форме. Заметим, что авторы, пытаются это сделать. Тем более, что *ныне на одной и той же земле, под одним и тем же кубанским небом, как настоящие побратимы, живут бок обок*

потомки, огнем и мечом очистивших край и «осколки» аборигенов некогда многочисленного адыгского народа.

Используем, прежде всего, работы историков, участников и свидетелей войны, или по горячим следам, писавшим историю края. Это были: **первый местный историк И. Д. Попко (1819-1893)**, генерал, **Е. Д. Фелицын (1848-1903)**, войсковой старшина, написал **90 работ**, **П. П. Короленко (1834-1913)**, ему было доверено написать книгу «Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896 (Исторический очерк). Екатеринодар. 1896. И др. Как отмечает современный историк кубанского казачества проф. И. Я. Куценко: «Самым крупным и авторитетным историком кубанского казачества был **Ф.Д. Щербина (1849-1936)**, сын казака из станицы Новодеревянковской. С 1904 года – член-корреспонднт императорской академии наук, известный ученый по статистике» (См. И. Я. Куценко. Кубанское казачество. Изд., второе, доп. Краснодар, с. 32). Словом, литературы военно-исторической по казачеству для сравнительного анализа много. Они помогут восстановить правду о путях и методах формирования казачьего края. Проф. И. Я. Куценко обосновано утверждает, что «**казачья история одна из острейших и наиболее значимых социальных и научных проблем современности. Полемика вокруг нее не утихает»** (Там же, с.22).

Как пишет **Ф. А. Щербина**, когда он принял предложение по составлению истории края, «нужно было выработать условия, на которых могли бы вестись работы по истории. Письмом от 10 января 1903 года начальник штаба Кубанского казачьего войска Г.О. Богданович установил два следующих положения для предложенного мне труда. Первое, «чтобы история войска была составлена согласно указаниям военного министра по этому вопросу. И второе, «чтобы историческому исследованию о возникновении Кубанского казачьего войска было предпослано исследования о народностях, населявших территорию нынешнего Кубанского войска» (См. **Ф.А. Щербина. История Кубанского казачьего войска. Т. I. История края. Екатеринодар. 1910. От автора, с.1**). Щербина Ф.А. в основном старательно выполнил эти условия, придерживаясь военно-политической доктрины Российской империи. Природные и исторические особенности края он дает в первом томе (396 страниц из 692). На 104 странице он ставит вопрос: «Когда же и как явился впервые в нынешней Кубанской области человек, с которого и начинается собственно история?». Рассматривая эту проблему, Щербина Ф. А., показывает этническую мозаику Северо-Западного Кавказа во времени и в географическом пространстве и отмечает: *«Во время заселения казаками Прикубанского Края, в Закубанье, по левую сторону р. Кубани, черкесские и горские племена занимали приблизительно те же места, на которых они остались потом в продолжении всей русско-черкесской распри»* (Щербина А. Ф. Ук. соч., т.11, с. 7). Далее, он рассматривает легенду происхождения этнонима – «Адыге», и заключает: *«Здесь начинается уже настоящая история черкесов, знакомство с которою необходимо для уяснения отличительных особенностей русско-черкесской войны, длившейся 65 лет под ряд»* (Там же, с. 17). Таким образом, он четко обозначает название войны, как **русско-черкесскую**, по ее содержанию и указывает на время ее апогея и завершения. И это, на наш взгляд, правильный подход. А «Родная

Кубань» наглухо замалчивает методы завоевания Кубани, геноцид и изгнание черкесов из родной страны, под фальшивым, имперским прикрытием о так называемых геостратегических интересах царизма. Им должно было быть известно, что В.А.Потто, военный историк Терского казачества, об этих «интересах» еще 1912 году писал: «Великому народу нужен был великий простор. Ему нужны были моря и океаны... И вот, наконец, передовые волны русского моря уже разбиваются о подножия недоступных Кавказских громад... И прежде чем перейти к истории казачества, бросим взгляд на наши первоначальные сношения с Северным Кавказом и за тем уже отметим, какую важную роль сыграли в истории покорения его наши Терские казаки» (См. В. А. Потто. Два века Терского казачества (1577 – 1801). Т. 1-й. Владикавказ. Электронечатная Типография Терского Областного Правления. 1912, сс. 10, 12).

Проведем краткий сравнительный анализ осмысления истории Кубанского края его научным летописцем Щербиной А. Ф., с одной стороны, коллективом местных авторов книги «Родной Кубани»(страницы истории), учебного пособия., с другой:

1. «Родная Кубань»: о А. В. Суворове и его миссии на Кубани.

«В 1778 г. на правом берегу Кубани строит укрепления русский военный гений А. В. Суворов. Он налаживает дружеские отношения с влиятельными горскими князьями и старшинами. Прикубанье, во многом благодаря А. В. Суворову, входит в состав России» (с. 51).

А. Ф. Щербина: «Осуществление суворовского плана пришлось не по сердцу горцам. Как только началось возведение укреплений, черкесы стали усиленно нападать на пикеты и тревожить русские войска. (Щербина Ф. А. Ук. соч. Т. 1.С. 375) Далее: «Особенно враждебно относились они (черкесы – Х. Т.) к построенным, по распоряжению Суворова, крепостям, редутам и укреплениям по правому берегу Кубани» (Там же, С.380).

Далее: «Особенно враждебно относились они (черкесы – Х. Т.) к построенным, по распоряжению Суворова, крепостям, редутам и укреплениям по правому берегу Кубани» (Там же, С.380). Суворов требовал от казачьих начальников «находиться в нужных местах» и зорко следить как за неприятелем, так за сторожевыми частями русских войск. В этом заключалась гарантия «от воровских шаек закубанских разбойников» (Там же, с. 387). *Следовательно, авторы учебного пособия идеализируют поведение Суворова, без учета тяжелейших последствий его военной деятельности на Кубани для аборигенов края.*

2. «Родная Кубань»: о роли Суворова в очищении от ногайцев правобережья Кубани.

Когда по совету Г. А Потемкина Суворов предложил ногайцам переселиться за Волгу, турецкие агенты стали распускать слухи, что «русское правительство собирается уничтожить ногайцев после переселения за Волгу. Многие ногайцы поверили в эту нелепость. Изменив присяге, они напали на русские команды и преданных России соплеменников. Получив отпор, ногайцы переправились за Кубань и стали уходить в горы. В начале октября 1783 г. недалеко от устья Лабы они были атакованы и

разбиты. (с. 57). Словом: пришел, увидел и уничтожил? А что же было на самом деле?

Ф. А. Щербина: Когда Суворову было поручено переселить на Урал ногайцев, то он разбил для удобства передвижения каждую орду на отряды или колонны, поручивши сопровождать каждую колонну русским войскам... Сам Суворов следовал с казаками позади татар. Донцы, с своей стороны выставили поголовное ополчение к границам передвижения татар в видах предосторожности. Но когда весть о выселении татар при такой обстановке разнеслась по степям, то татары естественно были смущены. В массе раздался глухой ропот и опасение, что татар ведут в уральские степи на верную гибель... Суворов напрасно уговаривал татар подчиниться переселению и успокоиться. По выражению Суворова: «Началась полная рубка татарам. Произошло нечто ужасное, не поддающееся никакому описанию. Опрокинутые драгунами и казаками ногайцы, бросились в болотистую речку, вязли в ней и поражаемые пулей и картечью, столпившиеся у реки татар рубили и кололи казаки и драгуны; арбы и имущество с яростью истребляли сами татары, чтобы не досталось оно русским; собственных женщин резали, а грудных детей вырывали у матерей и бросали в реку. Отчаяние было полное, и татары точно обезумели в этом ужасном бою. Убиты были предводитель татар Канакай-мурза, знатные татары и до 3000 человек черни. Со стороны русских убито и ранено около 100 человек. Сражение, начавшееся на рассвете, окончилось в час пополудни. Русские войска преследовали побежденных на расстояние 30 верст, и отняли до 20. 000 лошадей и рогатого скота, татары понесли невероятный урон людьми, скотом и имуществом. Эта ужасная расправа русских войск с татарами в сильнейшей степени озлобила и остальных ногайцев» (Щербина Ф. А. Ук. соч., т. 1, с. 392). Оставшиеся в живых татары подались за Кубань в устье Лабы, к черкесам. Как отмечает далее А. Ф. Щербина: «Ночами с предосторожностями Суворов, распутивши слух о своем отъезде в Полтаву, пробрался к устью Лабы. Ночью 1 октября (1783 г. – Х. Т.), с не меньшими предосторожностями, он переправил отряд через Кубань, и на рассвете придвинулся к татарским аулам. Здесь вблизи урочища Керменчик, в 12 верстах от Кубани произошло последнее сражение с татарами, самое ужасное по своим последствиям. Первыми бросились с пиками донцы, за ними драгуны и гренадерский батальон. Через три часа битвы 2000 трупов усеяли окружающее войско пространство, аулы были сожжены, а к концу битвы на поле осталось более 5000 убитых. И казаки, и солдаты одинаково не давали никому пощады – убивали, резали и кололи мужчин, женщин, стариков и детей. И здесь татары в отчаянии убивали своих жен и детей, чтобы избавить их от плена, а имущество уничтожали. Пожаром, кровью и трупами были обогрены последние потомки великой монгольской орды. Немного осталось татар на Кубани. Их место скоро заняли черноморские казаки. И только в треугольнике между изгибом Кубани и Лабы остались бессильные потомки когда то страшных татар»(Там же, с.393-394). Сохранилась масштабная карта под названием «Битва с закубанцами на Лаве 1-го октября 1783 г., где указаны охваченные боем черкесские аулы:

Темрукский, Хатукай, Адамий и др. В эпицентре побоища находилось ногайское селение Наурусово.

По сведениям П. Г. Буткова в этом бою было убито татар-ногайцев: 21 мурза и 3.500 простых татар, взято в плен более 1.000, в том числе ногайцев наврузовских, древних обитателей Кубани. Захвачено лошадей – до 1.000, рогатого скота от 6 до 7 тыс. голов, овец – до 15.000. У суворовских войск убито 4, ранено 7, без вести пропало 15. (См. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа. С 1722 г. по 1803 год. СПб, 1868, с. 101).

Возникает резонный вопрос, с кем же и каким оружием воевали суворовские войска, если соотношение погибших : татар (по Щербине – 5.000, по Буткову более 3.500), а потери русских всего 4 человека? Возможно уже тогда, еще до альпийских походов, проявился «военный гений» Суворова? А может быть, действительно татары друг друга сами себя поубивали? Нет, ни то и не другое. Дело в том, что перед началом боя, в манере своей известной краткости в военных донесениях, Суворов отдал приказ: **«Войскам отдыха нет до решительного поражения, истребления или плена неприятелей. Пули беречь, работать холодным оружием! Драгунам и казакам с коней не слезать для добычи; на добычу идет четвертая, другая четверть прикрывает, остальная половина наготове. Добыча делится пополам: одна половина на государя, другая войскам; из этой половины – казакам две трети»** (Цит. по кн.: Из истории Русско-Кавказской войны. Документы и материалы. Нальчик. 1991, с. 34). Следовательно, **«пули беречь, работать холодным оружием»** – так настойчиво Суворов предупреждал своих солдат и казаков, уверенно зная, с кем они будут драться – в основном со стариками, женщинами и детьми в кибитках, ранеными и остатками от предыдущей битвы.

П. П.Короленко, участник Русско-Кавказской войны, о судьбе ногайцев, которые в 1783 году отказались от депортации на Урал, писал: **«Командовавший тогда кубанским корпусом генерал Суворов совершил блестящий поход за Кубань, куда бежали ногайцы, разорил вместе с ногайскими становищами много и черкесских аулов.**

Так как с этого времени северная часть Кубанского края, за выходом из него ногайцев, опустела, то для удержания черкесов от перехода на нашу сторону для разных злодеяний русское правительство занялось постройкой крепостей и редутов на Кубани» (См. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.2. Нальчик «Эль-ФА». 2001. С. 200).

Следовательно, не депортация была главной задачей, а полное истребление ногайцев, уведенных из Ейской степи, чтобы очистить от них Правобережье Кубани для занятия его казаками

В последующие годы продолжались активные набеги русских войск на черкесов за Лабу. По приказу генерала Текеллий 13 октября 1787 г. перешли Кубань три колонны войск, следом пошла четвертая колонна 14, 15, 16 октября и дошли до самых снеговых гор. Как пишет Щербина А.Ф.: **«Разгром горцев был полный и ужасный.** Всеми отрядами, доносил Текеллий князю Потемкину, «сожжено деревень более трехсот, арб изысканных с остатками имущества разбросанного войсками. Нашли до четырех тысяч, а также весь хлеб, даже сокрытый в ямах не остался без

истребления; а сено по полям до самой Лабы и где найдено приготовленным, даже по горам и повсеместно, где войска не обращались, преисполнено дымом и огнем». Далее: **«Я считаю, доносил Потемкину не без сознания своих заслуг Текеллий, что не только закубанцем (так называли в основном черкесов – Х. Т.), но и прочим горским народам, до которых сведения о сей экспедиции достигнет, останутся навсегда в свежей памяти действия нашего в том краю оружия, и будет им примером от тех, на кого меч наш пал и которые до основания разорены»** (См. Щербина А. Ф., ук. соч., с.403). **«Урок был дан действительно ужасный»** – замечает Щербина – наиболее объективный летописец Русско-Черкесской войны, ученый и потомственный кубанский казак.

Следует особо отметить, что в этом варварском налете на черкесов принимали участие кабардинцы под предводительством бригадира Большого Горича. Потемкин разрешил этому отряду отправиться за Лабу. И 3 января 1788 года Иван Большой Горич доложил Текеллию о том, что его отряд состоял из сорока кабардинских князей, 2000 панцирной конницы и 3000 рядовых. Но, как отмечает Щербина А. Ф., кабардинцы «действовали совершенно иначе, чем русские войска. Они покоряли и водворяли, а не грабили и разоряли. Впрочем, надо прибавить, что кабардинский отряд был организован теми князьями и дворянами, поданные которых бежали из Кабарды за Кубань, и только в целях возвращения беглецов на родину и снаряжен был отряд Большого Горича» (Щербина А.Ф., ук.соч., с. 406). На наш взгляд, цели кабардинской знати в этом походе на стороне русского экспедиционного корпуса не могли затмить предательство против адыгского этноса в борьбе за свою свободу и национальную независимость, за человеческое выживание.

Великий летописец Щербина А. Ф., несмотря на то, что он выполнял особое задание военного министерства царской России, с горечью заключал: «Так закончилась беспримерная даже в истории Кавказа экспедиция. Генерал Текеллий (разрушитель Запорожской Сечи по приказу Екатерины 11 в 1775 г. – Х. Т.) выдержал от начала до конца свою роль и характер. Черкесы были не просто наказаны, а разорены и приведены в состояние нищенства. Грубая сила и непомерная жестокость, были применены с неуклонной последовательностью... Громадные военные преимущества обращены были исключительно на разрушение, на обращение имущества «в пепел», в жертву «огню и мечу». Однако, карательная экспедиция Текеллия далеко не имела тех устрашающих последствий, на которые рассчитывал самонадеянный генерал(См., там же). Генерал Текеллий не унимался. Затеял новую экспедицию.

Были собраны все Кавказские войска в Западной части Кавказа. По распоряжению Потемкина он должен был идти на Анапу. Но он решил одновременно идти и по левому берегу Кубани, чтобы повторить пути прежней экспедиции. 15 тыс. армия с 53 пушками к 27 августа 1788 г. была подтянута к Кубани. И, как пишет Щербина: «В сентябре войска были за Кубанью и начали свои действия. Однако шествие генерала Текеллия на этот раз было далеко не таким торжественным и победоносным, как в походе 1787 года. Густые леса и болотные места мешали движению армии, скрывая и защищая неприятеля. Неприятель также не бежал от русских войск и не оставался в бездействии. Русские всюду встречали отпоры

и противодействия» (См. там же, с. 408). Шумливо обставленный второй анти черкесский поход Текеллия провалился. И Анапу не смог взять штурмом. Потемкин и императрица Екатерина были недовольны и он смещен был с должности. Оценивая провал генерал-поручика Текеллия, Щербина пишет: «В сущности вся затеянная Текеллием военная шумиха объяснялась довольно просто. В первый свой поход на Лабу в 1787 г. Текеллий считал себя грозным победителем и ту же роль хотел он играть, двигаясь за Кубанью по направлению к Черному морю. Но в первом случае были кабардинцы и горцы предатели, которые в качестве проводников вели всю экспедицию на веровочке, а во втором их не оказалось. В первом случае пришлось иметь дело с относительно ограниченным районом. А во втором потребовалось проходить по более обширным и малоизвестным пространствам. В первом случае противниками были хотя и горцы, но среди своей хозяйственной обстановки, при полном отсутствии крепостей, во втором случае умели пользоваться густыми лесами, крутыми берегами рек, узкими проходами между болотами и пр., чтобы тормозить движение войск...» (Там же, с. 410-411).

Щербина А. Ф., как выдающийся историк Русско-Черкесской войны, был глубоким аналитиком и объективным обработчиком историко-архивного материала. Автор этих строк, более полувека работающий над этими же материалами в архивах и печатными изданиями, с удовольствием отмечает эту его черту, в отличие от многих современных фальсификаторов истории Кубанского казачьего войска и Русско-Черкесской войны, создающих виртуальные картины всей Русско-Кавказской войны, отрицая геноцид и изгнание русским царизмом горцев из их автохтонной родной и прекрасной земли, за которую отдали свою жизнь сотни тысяч патриотов. Прав поэт:

Когда царь белый, царь лукавый
Решил Кавказ завоевать,
Черкесам огненной лавой,
Пришлось в защиту края встать!
В защиту гор своих прекрасных,
В защиту жен и матерей,
В защиту Родины несчастной,
В защиту вольности своей!

Барон К. Ф. Сталь, участник войны с 1844 по 1859 год, заметил эту любовь черкесов к родной земле, что проявляется и у других народов, и писал: *«Горец гордится своею родиною... Сдаться военнопленным есть сверх бесславия, и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин сдался в плен. Потеряв лошадь, он будет до последней возможности и с таким же ожесточением, что заставит наконец убить себя»* (К.Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. Тифлис. 1910 с. 254). В *Преданность делу борьбы за национальную свободу и независимость считалась священным долгом каждого.* Проявление слабодушия в бою, тем более бегство с поля брани, решительно презиралось. Так, П. П. Короленко в работе *«Записки о черкесах», как участник русско-черкесской войны, по своим наблюдениям, пишет: « Измены своих соотечественников черкесы не прощали. Мне самому во время похода против закубанских горцев случилось видеть, с каким азартом и жестокостью непокорные черкесы сражались с мирными соотечественниками,*

находившимся в русских войсках. С шапками в руках и кинжалами в зубах немирные и мирные, как беженные, бросаются одни на других и рубятся на смерть, пока последних выручали казаки» (Цит. по кн.: *Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. Нальчик. «Эльфа». 2001, с. 193).* *До конца войны черкесы царским войскам сопротивлялись стойко и упорно: «Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надо было истребить горцев на половину, чтоб заставит другую половину положить оружие».* (Р. Фадеев. Военный историк. Из «Писем с Кавказа». В кн.: *Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX- начало XX века. Сб. документов и материалов. Нальчик. «Эль-Фа». 2000, с.160).* *Такова была правда и цена той войны.*

Юрий Балугевский, (Ныне начальник Генштаба – Х. Т.), пишет: *«В истории Российского государства и русской армии эта война занимает особое место, прежде всего, потому, что эта была самая продолжительная и самая напряженная война России. Более 77 тыс. русская армия потеряла в ходе боевых столкновений с горцами Северного Кавказа. Такого числа потерь русская армия не знала со времен Отечественной войны 1812 года. (Газета «Красная Звезда». Центральный орган МО РФ. 16 мая 2000 года).* *Однако, вопреки исторической реальности того времени, генерал Ю. Балугевский утверждает, что якобы «не вела Россия на Кавказе колониальные войны и не подавляла национально-освободительное движение в регионе».*

Ф. А. Щербина: *«Казаки с честью выполнили свою историческую роль. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказский край. Эта была уже дань казака русскому государству»* (с. 836). *Щербина Ф. А., как настоящий историк, события не фальсифицировал, а показывал их полную картину. Он единственный историк, который составил роковую многовековую историю русско-черкесской войны год за годом, день за днем, а иногда и час за часом. Если исследователи и свидетели Русско-Кавказской войны в своих работах горцев называли оскорбительными кличками: «Хищники» (Н. Дубровин. Черкесы(адыге). «варвары», «азиатъ», «злодеи», «басурманы», «разбойники», «туземцы» и другими словами обзывали, то Ф. А. Щербина употреблял в основном – «черкесы», реже «скопище горцев», единично «хищники».*

2. «Родная Кубань»: *«Многие эпизоды Кавказской войны принесли линейцам славу бесстрашных воинов, доблестных защитников родной земли»* (с.89).

Следует остановиться на примерах, как сегодня казачество использует по проблемам военно-патриотического воспитания материалы русско-черкесской войны.

«Тиховские поминования».

19 мая 2002 г. Краснодар. Над могилой 148 кубанских казаков, погибших в этот день 1810 г. прошли Тиховские поминования. В них участвовали руководители Кубани. Казаки, съехавшиеся со всей Кубани, маршем прошли у захоронения. 192 года назад около 4000 горцев с территории Турции (?) совершили разбойное нападение на казачью землю, сказал, открывая молебен, атаман Кубанского казачьего войска, генерал Владимир Громов.

На их пути встали полторы сотни кубанских казаков из Ольгинского кордона при одной пушке, во главе с полковником Львом Тиховским. Казаки все погибли, не отступив ни на шаг, сорвав разбойничьи планы непрошенных гостей. Теперь над святым захоронением высится большой каменный крест. Здесь всегда живые цветы. ИТАР-ТАСС/Православие.Ру/.

22 мая 2003 г. Краснодарский край. Близ станции Полтавской прошли Тиховские поминовения павших казаков. Этот ритуал совершается ежегодно, где ныне находится хутор Тиховский. Присутствовало более полутора тысяч казаков и других жителей Кубани. Казаки возложили на могилу венки. На широком поле перед захоронением были построены казачьи сотни. Советник Президента Российской Федерации по делам казачества генерал-полковник Г. Трошев в своем выступлении высоко оценил традицию поминовения, назвав ее основой патриотического воспитания. Атаман Громов В. призвал изучать историю, почитать подвиги предков. /Источник: ЮГА.ру/

18 мая 2004 г. Шустенков А. И., заместитель Председателя Законодательного Собрания Краснодарского края на митинге заявил: «Неувядаемой славой покрыли себя наши деды, доблестные сыны Кубани. В неравном бою с жестоким и коварным врагом и сам полковник и полторы сотни его казаков погибли. В бессильной злобе, страхе и ужасе черкесы спалили все, все Ольгинское укрепление, но защитники кубанских земель и царского престола не сдались».

Щербина А.Ф. Документальное описание события: «В 9 часов утра 18 января (1810 г. – X. Т.) возле Ольгинского кордона разездом казаков была обнаружена переправа черкесов по льду через Кубань. Партия была многочисленная и имела два красных и два белых знамени. ... И казаки смело вступали в борьбу. Пушка давала им несомненное преимущество. Так сражение продолжалось целых четыре часа. ... Когда перестала действовать пушка, черкесы своей массой задавили малочисленный казачий отряд. Конец этой печальной драмы был короток: весь израненный Тиховский бросился с казаками в ратища, чтобы пробиться через густые ряды неприятеля в кордон, но сам он и большинство его сподвижников полегли под ударами врагов... Пушка была захвачена черкесами. Черкесы праздновали победу, но эта победа дорого стоила им – на месте боя они оставили 500 трупов» (с.171-172). Человеческое право поминать погибших. Но вот беда: тех 500 безымянных черкесов, погибших в том жестоком бою, ни казаки, ни адыги, ни православные, ни мусульмане не поминают. Получается односторонняя печаль в обоюдно истребительной войне, разыгранной русским царизмом, орудием которого было казачество. Теперь оно сделало символом патриотизма героев несправедливой войны. Нужно, чтобы в мир своего исторического прошлого сегодня смотрели и кубанцы и адыги не через кривое зеркало и фальшивые мифы, а на примерах героизма и патриотизма братьев Андрухаевых (Республика Адыгея), Степановых (Краснодарский край) и сотен тысяч участников ВОВ (1941-1945 гг.), защитивших нашу общую родную Кубань от фашистского геноцида.

В многонациональной стране, регионе, республике и крае важно придерживаться этнополитической

аксиомы – только объективная информация по истории народов может быть основой их политической консолидации. Автор этих строк, адыгеец, выражает особую обеспокоенность в связи с безмерной фальсификацией истории казачества и края, как историк и как инвалид ВОВ, как участник обороны Кубани в 1942 г. и освобождения в 1943 г., когда был тяжело ранен 27 мая при выполнении важного задания командования группой разведчиков-добровольцев на «Голубой линии». Как раз в Русско-черкесскую войну на этой территории происходили памятные стычки между черкесами и казаками: у Ольгинского кордона в 9 часов утра 18 января 1810 г. – Тиховские поминовения и в ночь на 4 сентября 1862 года пост у речки Неберджай – Липкинские поминовения. Объективная оценка итогов Русско-кавказской войны, как государственного этногеноцида русского царизма остается актуальной. Напомним, что Ф. А. Щербина об итогах войны писал: «Казаки с честью выполнили свою историческую роль. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказский край. Эта была уже дань казака русскому государству» (Т. II, с. 836). Таков итог русско-кавказской войны.

Авторы пособия «Родная Кубань» пишут: «В знании родного края – наша сила и величие родины». Эти слова Ф. А. Щербины звучат добрым напутствием всем жителям Кубани» («Родная Кубань». Ук. соч., с. 126). Верные слова великого историка-летописца русско-черкесской войны и нужно было излагать исторический материал честно, как это делает Щербина Ф. А. Никогда нельзя забывать об ответственности историка за точное воспроизведение исторического события и объективное его истолкование. Необходимо исключить в казачьих классах и кадетских заведениях, в которых проводится военно-патриотическое воспитание, материалы на анти черкесских мотивах времен русско-черкесской войны. Ключевым словом патриотического воспитания молодежи и всего населения Кубани и Адыгеи, на наш взгляд, должны стать материалы героики Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 гг., в которой проявлялся массовый героизм представителей всех советских народов, объединенных великой идеей совместной защиты многонациональной Родины..

В заключение статьи обращаю внимание на призывные слова, указанные в «Родной Кубани»: «К написанию «истории родного казачества» Ф. А. Щербина относился с исключительной ответственностью и добросовестностью, считая это одним из основных своих дел, почетной обязанностью» (См. «Родная Кубань». Ук. соч., с. 126). Прав ведущий кубанский щербиновед проф. С. Н. Якаев, утверждая: «Научный, творческий, патриотический подвиг Щербины – автора истории края с древнейших времен – до сих пор не имеет ничего равного и подобного» (См. С.Н. Якаев. Федор Андреевич Щербина. Вехи жизни и творчества. Ч. 1. Краснодар, 2004, с. 99). Только очень жаль, что этот пример еще не стал в полной мере достоянием историков кубанского казачества. Но было бы неверно и даже кощунственно идеализировать его общую оценку Русско-Кавказской войны, одобрение так называемой исторической миссии его родного казачества. Он с пафосом утверждал: «Казаки, с честью

выполнили свою историческую роль. Они не просто колонизовали, но завоевали и колонизовали Кавказский край. **«Эта была уже дань казака русскому государству»** (с. 836). Такова была жестокая правда. Но была и другая правда: как мужественный ученый в освещении Русско-Черкесской войны он был и остается ее великим и

объективным летописцем, несмотря на жесткую военную цензуру, открыто показавшим геноцид царизма против черкесов и других горских народов Кавказа. **Щербина Ф.А. для адыгейских и кубанских историков пример глубокого знания и объективного освещения истории родного края.**